ПО КРАСИВЫМ аллеям Алма-Аты неторопливо идет пожилой человек. Встречные приветливо улыбаются ему. Его знают все — от шумной детворы до глубоких стариков.

Пожилой человек заходит в сквер, садится на свою любимую скамейку. Вокруг слышатся звонкие детские голоса, смех. Он сидит молча, полузакрыв глаза. О чем он задумался? Может быть, он вспоминает, какой была Алма-Ата, когда он впервые увидел ее? Как давно это было! Лет сорок назад, должно быть.

А может быть, он думает о театре, которому посвятил жизнь, отдал все — сердце, душу, талант. Вот здание, где еще недавно помещался театр. Какое бесконечное множество ролей сыграл он на его сцене!

Или, возможно, вспомнились ему юные годы. Вот он скачет по степи, пробирается сквозь камыши, толчется в суете и суетоке ярмарки.

Ему есть о чем вспомнить. Вель 70 лет прожил на свете Калибек Куанышпаев — гордость и слава казахской сцены, любимец зрителей, народный артист СССР. И хотя он на отдыхе, от театра неотделим. Говорят: «Как две вершины Алатау, венчают казахский театр Калибек и Куляш». На самом деле, трудно назвать казахских актеров, которые могли бы сравниться с ними.

В чем сила, в чем вдохновенное дарование Калибека? В школе? Нет, он ее не прошел. Сила его — в уме и сердце, в кровной связи с народом. Калибек — сам живой образ своего народа.

Вспомним, как Калибек пришел в театр. Осенью 1925 года правительство республики приняло решение создать первый в истории казахский театр. Надо было организовать труппу, собрать людей. Во все концы полетели телеграммы, сзывавшие в Кызыл-Орду (там находилась тогда столица) лучших домбристов, пев-

цов. Дошла телеграмма и до Калибека. Она нашла его на шумной Куяндинской ярмарке, неподалеку от Каркаралинска. Здесь его давно знали, и молва об озорных проделках его шла по всей степи. Не раз люди выбегали из юрт, прислушивались: идут проводы невесты, покидающей родной дом. Плачет девушка, причитает мать, слышны голоса мужчин, девичий смех, залихватистый лай собак смешался с ревом теленка. Протяжно завыв волк, заржали лошади...

Все бросались посмотреть, что происходит, и видели одного Калибека, виртуозно имитировавшего все эти голоса и звуки. Кончался этот «концертный номер» весьма эффектно — теленок съедл волка!

...И вот Калибек в театре. Ему поручена первая роль. Он огорчен и расстроен:

— Как же я буду заучивать чужие слова, выполнять чужое задание?

Ему пытались объяснить, все тщетно. Тогда за дело взялся Мухтар Ауэзов — автор пьесы «Энлик-Кебек», отрывком из которой театр начал свою работу.

— Изобразить характер человека? Это я могу, — обрадованно сказал Калибек, — так бы и сказали! А то какая-то роль!

И он стал лепить образы один красочнее другого. Живые, яркие, незабываемые. С тех пор и началась его дружба с Мухтаром Омархановичем — горячая дружба двух замечательных людей.

Я вспоминаю осень 1933 года.

Нас — семеро бесшабашных молодых людей. Мы едем из Семипа-

латинска в Алма-Ату. Кроме желания стать артистами, у нас ничего не было. Но какое это было желание! По дороге у нас похитили все вещи. В кармане — ни гроша. От станции Алма-Ата-1 до театра мы шли пешком. А помещался театр тогда на углу улиц Карла Маркса и Советской, где потом был кинотеатр. Возле театра нас приветливо встретила ведущая актриса Малике Шамова. На всю жизнь я запомнил, какой теплый, сердечный прием она нам оказала. Заявлялась оживленная беседа. Неожиданно Малике прервала ее:

— Узнаете, кто идет?

Мы оглянулись. Из подъезда вышли трое — щегольски одетый красавец с тростью в руках, маленький светловолосый, очень подвижной человек и рослый, спокойный, солидный мужчина в шляпе — Курманбек Джандарбеков, Елюбай Умурзаков и Калибек.

Нас словно громом ударило. Боже мой, неужели это они, о ком мы так много слышали и о встрече с которыми мечтали!

А они шли, весело шутя и смеясь, Калибек посредине. На минуточку остановились. Калибек дал щелчка Курманбеку. Тот обернулся и погрозило ему тростью. Елюбай, отчаянно жестикулируя, бросился их разнимать, и, расхохотавшись на всю улицу, все трое скрылись за углом. А мы, как зачарованные, долго смотрели им вслед. И думали: вот они какие: обычные, простые люди, как все мы. А слава шла о них, как о необыкновенных сказочных героях...

...И вот мы в театре.

Приглядываемся, учимся, впитываем каждое слово.

Шакен АЙМАНОВ,
народный артист СССР.

□
Каждый наш выход на сцену, конечно, не в ролях, а в массовке (все должны проходить эту школу!) — огромное счастье. Мы видим игру мастеров, а тогда в театре еще работали Амре Кашаубаев, Куляш Байсеитова, Иса Байзаков и другие.

И вот «Энлик-Кебек» с Калибеком в роли бия Кубея из рода Тобыкты. Каждому участнику массовки разъяснено, что он должен жить своей собственной жизнью. Но я нарушил этот наказ. Я смотрел на Калибека. Как точно он играл, какой убедительный образ он создавал и как он говорил! Слова будто рождались у меня на глазах, словно Ауэзов их никогда и не писал. Какая чеканная мысль, железная логика, богатство интонаций, а голос спокойный, мудрый, мягкий. Казалось, никто не может опровергнуть Кубея. Но был и другой бий — Еспембет, в роли которого выступал Серке Кожамкулов. Стремительной, как вихрь, могучей и сильной была его речь.

Так шел спор, нет не спор, а поединок двух мудрых биев, диалог двух прославленных мастеров сцены. Зачарованно слушали их зрители и мы — участники спектакля. Только позднее я понял, откуда у Калибека такая жизненная достоверность. Он сам видел биев, знал народную жизнь. И слова, написанные Ауэзовым, возрождались и искрились в его исполнении. Он вдыхал в них новую жизнь.

О Калибеке как художнике будет написано еще много книг и исследо-

К 70-летию со дня рождения народного артиста СССР Калибека Куанышпаева

ваний. Я хочу лишь немного остановиться на его исполнении нескольких ролей. Каждая из них незабываема.

1938 год... Впервые на казахской сцене ставится «Ревизор» — бесмертное творение Гоголя. Сколько волнений, сколько опасений! Но два человека нас успокаивали. Во-первых, автор гениального перевода — наш учитель и друг Мухтар Ауэзов. И, во-вторых, — режиссер-постановщик Илья Григорьевич Боров, вселявший в нас уверенность, что мы сумеем воплотить образы гоголевских героев.

Роль городничего была поручена Калибеку.

Он долго отказывался, говоря, что никогда не видел русских царских чиновников, не носил мундира, не знает ни среды, ни быта, ни поведения царских чинуш и купцов. Но Ауэзов и мы все переубедили его.

Шли репетиции: вернее долгие, мучительные поиски, полные тревог. Неудач больше, чем удач. Трудно было казахским актерам вникнуть в суть гоголевских персонажей. С городничим не ладилось. Калибек держал себя неуверенно, репетировал в полутонах, нервничал, злился. Он доходил до бешенства, когда надо было произнести по-русски названия рыб «корюшка» и «ряпушка».

— Неужели их нельзя заменить сазаном? — восклицал он. — Язык у меня не поворачивается!

Мухтар нередко расстраивался:

— Не сыграть Калибеку городничего. Кроме степных феодалов да волостных правителей, никаких царских властей он не видел. Как был Калибек степняком, так и остался.

А Калибек, слыша это, огорчался еще больше, хотя и не подавал вида. Нагугули первомайские горжест-

ва. Репетиций не было. Калибек заперся дома и долго не появлялся в театре. И вот — первая генеральная репетиция.

Зрительный зал заполнили близкие друзья театра и весь постановочный коллектив. Третий звонок. Занавес.

На сцене Калибек. Нет, не Калибек, а оживший городничий. Истинно русский городничий, матерый, прижимистый. Вольно полились слова, появились походка, мимика, свобода движений, а главное — уверенность в себе.

Я до сих пор сам не понимаю, как произошло это чудо. Костюм ли, грим ли, декорации, или незримая поддержка зрительного зала повлияли на него? Нет, не они! Родилось то необходимое для актера чувство веры в свои силы, которое приходит не сразу, а только после бессонных ночей, после того, как сотни раз мысленно повторяешь слова текста и они становятся твоими и образ уже неотделим от тебя, слит с «я» самого актера.

Калибек сердцем почувствовал, в чем суть русского городничего, понял ее. И самое удивительное, что при всем этом в его городничем было что-то неуловимо казахское, что было близко казахским зрителем. В том-то и величие классиков, что они становятся твоими и образ уже неотделим от тебя, слит с «я» самого актера.

Казахскому актеру Куанышпаеву удалось создать такой великолепный образ городничего, какой по праву может войти в число наивысших актерских удач.

Спектакль «Ревизор» стал триумфом казахского искусства. Теперь об Абае в исполнении Ка-

либека. Одно имя Абай означает безмерно много для казахской культуры. Понятно, с каким трепетом театр приступил к постановке пьесы «Абай» М. Ауэзова и Л. Соболева. Все сразу же сказали: Абай — это, конечно, роль Калибека. По интеллекту, душевному богатству да и по внешним данным лучше актера не сыскать. Но главное не в этом. Абай для Калибека — любимый поэт и паставаик. Он помнит наизусть все его произведения и просыпается, и засыпает со стихами Абая на устах. И Калибек сыграл роль Абая. Нет, «сыграл» — не то слово. Это был сам воскресший Абай.

Если мне придется когда-нибудь работать над образом Абая, я буду исходить из того, что было создано Калибеком. Всам своим существом он очень близок к гению казахской земли.

Одной сцены я никогда не забуду — прощание Абая с арестованным Долгополовым. Как ее проводил Калибек! Тяжело опираясь обими руками на стол, он медленно вставал с места, выпрямлялся и, не спеша, подходил к Долгополову. Став к нему лицом к лицу, он подымал на него глаза, полные слез, и долго, долго молча смотрел на друга.

Нам, актерам, известно, что означает настоящая пауза на сцене. Пройти она в сто раз звучнее и сильнее любых слов. Нужно иметь право на паузу, а право это — полнота чувств, наполненность ими.

Иной актер и использует паузу для того, чтобы у него возникли слезы. А Калибек делал наоборот. Он

(Окончание на 4-й стр.)

КАЗАХСТАНСКАЯ ПРАВДА 3 СТР

КАЗАХСТАНСКАЯ ПРАВДА
Г. АЛМА-АТА